

Е. П. ПРИВАЛОВА

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА НОВИКОВА
«ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА»**

Социальная проблема — одна из основных на страницах новиковского журнала «Детское чтение для сердца и разума». С особой уверенностью это можно сказать о первых годах выхода журнала — 1785—1786, когда сотрудниками «Детского чтения» были молодые писатели, тесно связанные с Н. И. Новиковым и его окружением: А. А. Петров, Н. М. Карамзин, А. А. Прокопович-Антонский, В. С. Подшивалов. Интерес редакции к социальной теме во многом поддерживается идейным родством журнала с новиковской педагогикой. И в статье «О воспитании и наставлении детей», и в предисловии к «Детскому чтению для сердца и разума» придавалось большое значение воспитанию «добрых граждан», а «благополучие человека» не мыслилось без выполнения им «должностей ко всем людям».

Изучение социальной проблемы в новиковском журнале связано с некоторыми трудностями. Причина их лежит в противоречивости напечатанного в нем материала. Некоторые из произведений по своей идейной направленности могут показаться исключаящими друг друга. По-видимому, это дало повод Г. А. Гукковскому вскользь охарактеризовать журнал как «апологию эксплуатации человека человеком».¹

Действительно, в журнале встречается немало произведений, проповедующих идеологию правящих кругов. Они проводили мысль о мудрости и неизбежности человеческого неравенства и сословного расчленения общества, а также требования безропотного подчинения власти.

К произведениям подобного типа относится «Разговор между отцом и сыном о том, для чего в свете одни бедны, а другие богаты» Кампе.² Сама постановка темы кажется необычной.

¹ Гукковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли в России XVIII века. Л., 1938, с. 305.

² Детское чтение для сердца и разума, 1785, ч. III, № 35, с. 129—137

Даже многие писатели XIX в. предпочитали в беседах с детьми рассматривать классовое неравенство людей как данность, как факт, не углубляясь в корень вещей и не ставя вопроса о происхождении этого явления.

Как же отвечал отец на вопрос любознательного сына о том, «для чего иные люди бывают очень бедны?». Ответ отца на первый взгляд кажется очень неожиданным: «Для того, чтобы другие были богаты».

Тезис этот раскрывается в следующем любопытном диалоге:
«Сын: Для чего ж другие лишнее имеют?»

Отец: Отвечай мне сперва на мои вопросы: сожаление и щедрость не прекрасные ли добродетели?»

Сын: Конечно, делать добро очень приятно.

Отец: Не жалко ли бы было, если б люди не имели этих добродетелей?»

Сын: Очень жалко.

Отец: Но могли бы люди быть милосердными и щедрыми, если бы все они были в равном состоянии, если бы одни не были в худых обстоятельствах, а другие в лучших?».

Так рядом наводящих вопросов, логически развивая свою мысль, отец приводит сына к следующему убеждению: «Для того-то и бывают в свете бедные и богатые люди, чтобы могли в нем быть щедрость и милосердие».

Однако подобными доводами редакция не ограничивалась. В журнале мы встречаем ряд произведений, авторы которых доказывают целесообразность неравенства людей другим путем.

Алексей, юный собеседник Добросерда в повести о Селеме и Ксамире, приходит к заключению, что равенство людей привело бы к печальным последствиям:

«Тогда никто бы не стал обрабатывать поля, никто не стал бы делать для других то, что им необходимо».³

В рассказе же «Общежитие» отец говорит сыну-барчуку о том, что «провидение для общего благополучия всех людей учредило разные состояния», ибо «богатые без бедных и знатные без низких прожить не могут».⁴

Из всех этих рассуждений юный читатель должен был вынести убеждение в необходимости подчиниться судьбе, довольствоваться посланной ему долей, не выходить за рамки, в которые он поставлен.

Особенно ярко выражена эта идея нерушимости социальных перегородок в сказке «Недовольный своим состоянием».⁵

Душу бедного крестьянина Фомы разъедают сомнения: «Другие такие ж люди, как я, для чего ж они меньше меня работают, а больше имеют достатка?».

³ Там же, ч. I, № 3, с. 40.

⁴ Там же, ч. IV, № 41, с. 18.

⁵ Там же, ч. III, № 38, с. 183—191.

Психология Фомы полностью раскрывается в сцене встречи его с волшебницей. Все раздражает его в ней: и ее красивое лицо, и ее наряд, и золотая карета, и даже ее восхищение природой. Ведь ему, бедняку, не до природы, хотя он и трудится в поле весь день. Волшебница упрекает Фому за то, что он недоволен своим состоянием. Фома обвиняет богачей в тунеядстве и незаслуженной роскоши.

Волшебница решает дать непокорному бедняку суровый урок. Она ведет его во дворец и предлагает выбрать любой из многочисленных мешков, в которых спрятана человеческая судьба. Фома должен признать свою неправоту: самым тяжелым оказывается мешок государя. Не под силу крестьянину и ноша богача. Мешок кажется легким как перо, но на нем надпись: «Состояние бедного — состояние человека, который ничего не имеет, кроме самого необходимого. Несчастен он, если не будет доволен сею участью».

В тесной связи с подобными рассуждениями стояли рассказы, проповедующие безропотное подчинение властям и хозяевам.

Брат и сестра, герои робинзонады «Достопамятная повесть о некотором купце», попадают к дикарям и безропотно несут порученную им тяжелую работу. «Мы должны,— говорят они,— служить верно нашему господину. Он наш владетель».⁶

Герои «Повести о двух верных друзьях», посаженные невинно в тюрьму, отказываются тем не менее бежать из нее. Свое решение они мотивировали следующими доводами: «Религия наша повелевает нам повиноваться начальникам, хотя бы они и несправедливо с нами поступали. А для того захотели мы лучше умереть, нежели спасти жизнь нашу непозволенным способом».⁷

Оправдывая и узаконивая устои существующего строя, редакция тем не менее была далека от желания идеализировать окружающую действительность. На страницах журнала встречается немало произведений, знакомящих юного читателя с теневыми сторонами и пороками общественной жизни.

«Детское чтение для сердца и разума» читалось широким кругом детей, по основным его адресатом был, без сомнения, читатель из дворянской среды. Этим объяснялось заостренное внимание журнала к проблемам дворянской чести и дворянского долга. Дворянин не тот, кто получил звание дворянина по наследству, а тот, кто благородно мыслит, чувствует и действует. Эта мысль проходила красной нитью через весь повиковский журнал. В ряде произведений мы сталкиваемся с теми коллизиями, которые возникали вокруг этих высоких понятий в дворянской среде.

Очень характерна в этом отношении пьеса «Великодушие в низком состоянии».⁸ Несмотря на иностранный источник пьесы,

⁶ Там же, ч. II, № 14, с. 11.

⁷ Там же, № 20, с. 112.

⁸ Там же, 1786, ч. VI, № 20—21, с. 97—127. Источник: *Paysans Généreux. Entretiens. Drames, et Contes Moraux à L'usage des enfants par m-me De la Fite*. Писательница взяла сюжет из журнала Вейсе «Kinderfreund».

ситуация, о которой идет речь, и в особенности мысли и речи действующих лиц, легко переносят нас в обстановку русской дворянской семьи XVIII в.

Содержание произведения следующее. Семья Добромысловых приезжает в деревню. Между родителями возникает спор. Отец хочет, чтобы дети играли и учились вместе с сыном садовника Петром. Мать не допускает и мысли о дружбе маленьких дворян с мальчиком «низкого состояния». Супруги заключают условие: Петру разрешено общаться с барчуками до первого его проступка. Маленькие Добромыслы по-разному встречают нового товарища. Федя привязывается к нему. Лизанька его презирает. Нарастает коллизия. Федя совершает проступок и боится сознаться в нем. Сестра по наущению матери уговаривает брата свалить вину на Петра. Петр, жалея барчонка, мужественно переносит порку. Соблюдая условие, Добромыслы лишают любознательного мальчика права учиться вместе с барчуками. Случай раскрывает великодушие сына садовника. Рискаю жизнью, он спасает упавших в пруд маленьких Добромысловых. Отец горд, что мальчик «низкого» происхождения оправдал его доверие. Мать все прощает спасителю своих детей. Дворяне берут Петра на воспитание.

В пьесе интересен не сюжет, который неоднократно встречался в детских книгах того времени, и не образ маленького героя, хотя, если судить по названию произведения, именно он важен для автора. Для современного читателя приобретают особое значение образы супругов Добромысловых. Перед нами встают представители двух разных дворянских идеологий. Добромыслова — женщина, проникнутая сословными предрассудками и дворянской спесью. Автор тем не менее идеализирует свою героиню. Она как-то уж слишком скоро сдается и берет назад свои суровые обвинения против черни. Добромыслов — дворянин-либерал, культурный барин, гуманист, хотя его заботы о Петре не идут дальше желания вырастить из него образованного, но послушного слугу. Супруги четко формулируют свои идейные позиции: «Я думаю, что весь свет знает, какая разность во правах между благородными людьми и между чернью», — говорит мать; «Все мы по природе равны, а знатность тогда только отличает нас, когда мы заслуживаем ее добрыми свойствами и похвальными делами»,⁹ — такова точка зрения отца.

На страницах новиковского журнала мы найдем немало произведений, обличающих чванство, закладывающих первоосновы демократизма и гуманного отношения к нижестоящим людям.

К такого типа произведениям относится, например, «замечательная», по словам В. Г. Белинского, «Переписка отца с сыном о деревенской жизни».¹⁰ В ней рассказывалась правдивая, психо-

⁹ Детское чтение. . . , 1786, ч. VI, № 29, с. 100—101.

¹⁰ Там же, 1785, ч. II, № 21—24; Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1954, с. 106.

логически убедительная история духовного перерождения спесивого белоручки. Посланный отцом в деревню мальчик не умеет натянуть чулка на ногу без помощи слуги, не знает, где растет картошка, не представляет себе, с какого конца следует брать в руки топор и грабли. Здоровая среда, прекрасная природа, труд делают из него человека.

В рассказе «Общежитие» отец отправляет сына, злой и гордый нрав которого известен всей округе, в деревню, удалив из нее всех слуг. Мальчику предоставляется на горьком опыте почувствовать всю силу своей зависимости от других и понять несправедливость своего презрения к слугам.¹¹

Было бы наивно искать в номерах детского журнала таких острых сатирических обличений правящего сословия, которыми так богаты были новиковские «Трутень» и «Живописец». Тем не менее отрицательные стороны быта и нравов знати не скрывались от читателя и здесь. Во многих произведениях, большей частью переводных, откровенно говорилось о духовной нищете дворянства, о его погоне за модой, роскошью, о пренебрежении семейными обязанностями, о неумеренном увлечении балами и маскарадами, о страсти к азартным играм, ведущим часто к пагубным последствиям.

Развращенному барину нередко противопоставлялся честный, деятельный купец и скромный, трудолюбивый ремесленник. Вообще интерес и уважение к третьему сословию проходит красной нитью через все номера «Детского чтения» этих лет. В этом сказалось повышенное внимание сотрудников журнала к новым веяниям жизни. Большой материал для этой темы давал редакции популярный немецкий писатель Кампе, который в своей оригинальной переработке классического романа Дефо сумел даже мятежного Робинзона превратить в добродетельного столяра.

В этом отношении очень показательно появление в журнале для детей рассказа Вольтера «Жанно и Колин». Правда, он проник сюда в пересказе французского детского писателя Беркени,¹² в силу чего острая сатира Вольтера оказалась значительно смягченной. Так, пропущена была сцена встречи разорившегося маркиза с монахом, то есть одна из самых злых страниц вольтеровского произведения. Ни слова не говорилось о том, каким путем отец Жанно приобрел состояние. Сокращенными оказались знаменитые рассуждения о курсе наук, необходимом для молодого маркиза. И тем не менее даже при этих условиях Вольтер оставался Вольтером. Одиозная фигура выскочки Жанно, этого мещанина во дворянстве, суетность и моральное ничтожество аристократической среды резко контрастировали с душевным здоровьем предприимчивого, скромного и трудолюбивого дельца Колина.

¹¹ Детское чтение. . . , 1785, ч. IV, № 41, с. 17—25.

¹² Жаннот и Колин. — Детское чтение. . . , 1786, ч. VIII, № 50, с. 197—205.

Но наиболее ярко и четко выразились общественные позиции «Детского чтения для сердца и разума» в постановке крестьянской темы. Обычно детские книги того времени не решались касаться этого опасного вопроса. Во многих произведениях преобладала точка зрения официального оптимизма. Авторы восторгались благополучием деревни, доказывали преимущество хлеба перед паштетом и соусами, рассказывали чувствительные сказки о том, что русский крестьянин ежедневно на обед ест курицу. Когда дело переходило от общих рассуждений к конкретным фактам, «Детское чтение» не боялось поведать читателю правду о тяжелой жизни в деревне.

Наиболее ярким примером идейного направления журнала может служить «Разговор», одно из произведений добросердого цикла.¹³ Напомним, что беседы Добросерда с детьми по серьезности содержания и разнообразию тем занимали в «Детском чтении» ведущее место.

Показав воспитанникам радостное зрелище сельскохозяйственных работ на покрытом обильными хлебами поле, Добросерд произносит следующий монолог: «Приятно, весьма приятно видеть земледельца при этой работе: теперь надежда его отчасти уже исполнилась. Какое несчастье, когда град, сильные дожди или другие тому подобные печальные случаи делают тщетными все его тягостные труды, и он видит в несколько минут погибшим то, над чем почти год работал, зима наступает; дети его кричат: хлеба, а житница его пуста; притом же жестокосердный помещик, живучи в изобилии и роскоши, хочет жестокостью вымучить у него то, что градом побито или от сильных дождей погибло».

Свою беседу о бедственном положении земледельца резонер заканчивает следующим обращением к слушателям, а тем самым и к читателям: «Дети мои, имейте всегда уважение к тем людям, сколько они заслуживают. Если со временем бог даст вам владеть ими, облегчайте их труд и заботы, пекитесь о воспитании детей их, старайтесь, чтобы знакомые ваши, которые имеют к тому случай, также вам подражали. Будьте уверены, что получите за это неоцененную награду».

Таким образом, идеалом Добросерда является гуманный и просвещенный помещик в стиле уже знакомого нам Добромыслова.

Остановимся еще на одной характерной детали. Журнал не только учит уважать крестьянина, но и показывает, как трудовой человек умеет сам себя уважать.

В рассказе «Крестьянское состояние» падменный дворянчик грубит крестьянину. Потом, осознав свою вину, он приходит к нему извиняться. Ответ простого мужика Памфила полон чувства собственного достоинства и той мудрой снисходительности, которая характерна для обращения взрослого с ребенком: «Для

¹³ Там же, ч. III, № 34.

меня все равно, как бы ты со мной ни поступил, но для тебя же лучше, что ты стал поумнее».¹⁴

Иначе поступает в аналогичном случае рыбак Фома, герой рассказа А. Шишкова «Разговор в саду». На извинения своего оскорбителя, маленького графа Николая, он с подобострастием отвечает: «Дай тебе господь много лет здравствовать, кормилец мой».¹⁵

Мы приводили уже примеры статей из «Детского чтения», в которых утверждалась авторитарность и незыблемость власти. Это не мешало редакции печатать произведения, ставящие своей целью воспитать у будущих граждан критическое отношение к действиям и поведению правителей. Кого пазываем мы плохим царем? Каковы свойства хорошего государя? В чем заключается роль советников, окружающих трон? Кто из политических деятелей прошлого достоин уважения и подражания? Эти вопросы постоянно ставились на страницах новиковского журнала. И это естественно для тех лет, когда еще жива была память о Пугачевском восстании, когда близилась французская революция, когда в русском обществе, в частности в масонских кругах, обсуждались мероприятия Екатерины II и зрели надежды на «хорошего царя» в лице наследника Павла.

Тирания — худший вид власти, рассадник интриганства, клеветы и лжи. Этой теме посвящена драма «Дамон и Пифиас», заимствованная переводчиком из книги Беркеля «Друг детей».¹⁶ Перед читателем встает образ сиракузского тирана Дионисия, известного своей беспринципностью и жестокостью. Для нас интересно здесь не столько само произведение, сколько подстрочное примечание, которое во французском тексте отсутствует. Вот что говорится в нем о Дионисии: «Он присвоил себе власть незаконным образом и употребил ее весьма худо. Чрезмерная его жестокость сделала его столь ненавистным своим подданным, что он беспрепятственно должен был опасаться, чтоб его не губили, и для того носил он под платьем железный панцирь и говорил с народом своим не иначе, как с высокой башни».

Ничто, даже высокий подвиг, совершенный двумя друзьями на глазах Дионисия, не могли излечить жестокое сердце тирана: «Он не перестал быть тираном и правительствовал с прежней жестокостью, пока наконец сиракузцы нашли случай уничтожить всю его предосторожность и убить его».

Если жестокость часто приводила к гибели, то добродетель правителя обеспечивала ему любовь и преданность подданных. Понятие добродетели включало в себя высокий и просвещенный ум, чувство справедливости и гуманности. Все эти высокие качества приписывались Филиппу Македонскому, имя которого не-

¹⁴ Там же, 1785, ч. IV, № 41, с. 27.

¹⁵ А. Ш. Собрание повестей. СПб., 1816, с. 299.

¹⁶ Детское чтение. . ., 1786, ч. IV, № 45, с. 81—95.

редко встречалось на страницах «Детского чтения для сердца и разума». Это он заменил принцип «царю пристойно делать друзьям своим добро, а врагам зло» другим, более высоким — «еще пристойнее делать врагов своих друзьями».¹⁷

Особое значение придавала редакция «Детского чтения» вопросу о моральном облике придворной среды и гражданском долге царских советников. Во всяком случае, мудрый царедворец, оклеветанный и удаленный от государственных дел, — нередкий персонаж на страницах журнала. Редакция ставила своей целью внушить российскому юношеству мысль о том, что главным качеством приближенного к царю человека должна быть честность, то есть мужественная решимость высказывать всесильному повелителю правду в глаза. Думается, что не случайно первый номер первого русского периодического издания для детей открывался «Повестью о Селеме и Ксамире», в которой речь шла об остром конфликте между королевскими советниками. Полный гражданского пафоса образ Селема открывал галерею доблестных служителей отечества, пострадавших за правду и справедливость.

Из числа исторических деятелей в этот почетный список вошли Томас Мор и Фенелон. Знаменитому английскому канцлеру был посвящен рассказ «Томас Морус», переведенный из «Детской библиотеки» Кампе. Автора меньше всего интересовала бессмертная книга великого англичанина. О ней он даже не упомянул. Целью Кампе было создать высокий моральный образ неподкупного политического борца, человека необыкновенного мужества. Героическому поведению Мора во время казни немецкий писатель посвятил волнующие страницы.¹⁸

В «Разговоре о простоте» Добросерд горячо рекомендовал читателям «Приключение Телемака» и подробно рассказывал о жизни и деятельности Фенелона.¹⁹ Знаменитый воспитатель французского наследника был в глазах Добросерда эталоном «простоты сердца», то есть честности, доброты и скромности. Показательна горячая рекомендация «Телемака» в новиковском журнале. Знаменитое произведение Фенелона, яркий памятник дворянской оппозиции и умеренного просветительства, заслужило, как известно, широкое признание в русском обществе, в частности в масонских кругах, вызвав критику со стороны Екатерины II.

По своему содержанию «Детское чтение для сердца и разума» резко отличалось от той аполитичной литературы для детей, которая сознательно отгораживала читателя от социальной тематики и была широко распространена в царской России. Новиковский журнал придавал большое значение воспитанию будущего гражданина. В этом была его сильная сторона. На его страницах уви-

¹⁷ Как должно поступать со своими врагами. — Детское чтение... 1786, ч. VI, № 21, с. 128.

¹⁸ Томас Морус. — Детское чтение... 1786, ч. VIII, № 47, с. 149—155.

¹⁹ Разговор о простоте. — Детское чтение... 1786, ч. VI, № 25, с. 177—190.

дело свет большое количество произведений на политические и обществоведческие темы. Не достигнув высот антифеодального и антикрепостнического мышления, редакция «Детского чтения» видела, в сущности, один путь для внесения коррективов в мир насилия и жестокости. Он заключался в духовном совершенствовании и гражданской ответственности каждого отдельного человека — участника государственной жизни. Журнал Новикова делал многое для пропаганды среди благородного русского юношества таких высоких нравственных черт, как гуманность, демократизм, честность, принципиальность, мужество. В широком привлечении читателя к социальной теме и в привитии ему высоких гражданских свойств была прогрессивная сила «Детского чтения для сердца и разума». Здесь проходила черта между первым русским детским журналом и официальной литературой для детей, не говоря уже о литературе крепостнической. В этих же прогрессивных тенденциях заключалась одна из тех причин, которые обеспечили новиковскому журналу почетное место в истории русской детской литературы.